

**ЗАМЕТКИ С ЗЕМЛИ – ПРИМ,
ИЛИ НЕМНОГО О ЛЮБВИ**

Чайрен

18+

Чайрен

Заметки с Земли-прим, или Немного о Любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43933436

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман о пути от Тьмы к Свету, о Пути Любви, от любви эгоистичной до святой. Главный герой, пройдя через множество любовных приключений, приходит к пониманию: мы ответственны за тех, кого любим.

Содержание

Глава первая «АДАМ И ЕВА»	4
Глава вторая: «МЭРИ»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава первая «АДАМ И ЕВА»

...Очередной финансовый кризис, но духом я не пал – запас молочной посуды позволял мне продержаться до следующего жалования. Сполоснув парочку самых грязных бутылей, я сложил всю груды в сумку и бодро затрусил в сторону приемного пункта. Благодаря расчетливости и экономии выглядел я довольно респектабельно, от немецких туфель до итальянских очков, а увесистый куль с посудой прибавлял пикантности моему облику – добропорядочный буржуа, знающий цену деньгам, возможно и принял бы меня за своего, впрочем, как и субъект довольно потрепанной наружности, вставший за мною в очередь. Правда, сквозь дырявый пакет в его руках явственно зрелось его жалкое богатство – бутылок было всего две, да и те он подобрал где-нибудь в мусорном ящике.

Мы были с ним в одном положении, хоть и выглядели достаточно контрастно. Неважно, что вырученного им капитала хватит лишь на пару пончиков, это тоже завтрак... сие созерцание отвлекло мое внимание, и я не сразу заметил Женщину, хотя нюх на красоту у меня отменный. Сказать по правде, взглянув мельком в ту сторону, я принял ее за ладного мальчугана с ухоженной копной соломенного цвета волос. Потом взглянул еще раз, и еще. Что-то в этом облике расходилось с моим представлением о ладных мальчуга-

нах. Бедро! Из таких мальчиков вырастают мужчины с женоподобными фигурами, почему-то вызывающие во мне одновременно и брезгливость и жалость. Я отвернулся, негодуя в душе на себя за то, что лезу со своей никому не нужной жалостью, и тут «он» обернулся. О, Господи! Меня обожгло взглядом синих глаз, которые я сумел усечь, стоя к «нему» чуть ли не спиной. Это была девочка! Какое лицо! Пройдет пять-шесть лет, и сколько мужчин готовы будут пожертвовать ради нее всем! Мне оставалось лишь грустно вздохнуть: «хороша Маша, да не наша!». Позже, перед сном, я снова вспомнил о ней. И на память пришли строки:

Я увидел тебя и попался в полон.
Отчего же на сердце лишь грусть?
Дело вовсе не в том, что я не Аполлон,
Не блещу я ничем,— ну и пусть!

Дело даже не в том, что я одинок.
Разве этим теперь удивишь?
Я увидел тебя в тот апрельский денёк,
День, залитый весною до крыш.

Я увидел тебя, и не мог отвести
Красотой очарованных глаз.
Мне так жаль, что успел я уже отцвести,
И отвык от бессмысленных фраз

О погоде, «штанах», о таинственных снах,
О счастливой звезде, что свела нас.
И о том, что в груди, мол, бушует весна,
От игры: – Вы Марина? Светлана?

Я боялся того, что поближе узнав,
Убежишь ты, зевая от скуки.
И меж нами лишь нуль, пустота, белизна
И твои незовущие руки...

В темной одинокой камерке я трижды повторил их, и с каждым разом голос мой становился тише и тише, и все больше было в нем печали... нет, я не помог ей поднять тяжелую сумку с посудой на стол приемщика. И не погладил по волосам, хотя рука так и тянулась. Мне казалось, что я рядом с ней как ржавые коньки рядом с новеньким «Феррари». Ей всего лет десять. И хотя я верю в дружбу между взрослым и ребенком, я понимаю – она и в свои десять лет – Женщина. Я не сумею быть ей интересным до той поры, когда она вырастет и станет просто женщиной...

Нет, я не был обделен вниманием взрослых красавиц, знающих, что смазливое лицо – не главное достоинство мужчины. Однако в ее возрасте мечтают о сказочных принцах. И, кроме того, в ее глазах было что-то такое, что мигом охладило мой романтический пыл – сознание собственной кра-

соты. Это был хищник, пусть еще маленький, но уже знающий, что он вырастет, и тогда уже не ждите пощады, мужчины! Судя по формам, она будет рослой, чувственной обладательницей роскошного сильного тела, холодных синих глаз и волос цвета соломы – всех атрибутов «пожирателя мужчин». Но, глядя ей вслед, я все же вздохнул с сожалением. Увижу ли когда-нибудь еще такое совершенство?! Поневоле поверишь в легенды о Клеопатре, ради которой мужчины шли на смерть...

В бумажнике лежало несколько клочков бумаги с женскими именами и номерами телефонов их обладательниц. Но это было все «не то», тоску-печаль развеять с ними я не спешил. Хотя Линда, белокурая красотка, массажистка в бане, вначале вскружила мне голову до такой степени, что я считал часы и минуты до встречи, но потом, когда не осталось сомнения в ее общедоступности, я быстро охладел. Меня всегда пугали слишком «простые» женщины : – «Бойся данайцев, приносящих дары», то бишь, как сказал один киногерой: – «Нормальная баба ноги сама не раздвинет»...

Обычно каждый год мне удавалось на недельку-другую вырваться домой, в Буэнос, но моя нынешняя сексуально-финансовая озабоченность (открываешь кошелек, а там – «нефритовый пик») как-то не предрасполагала к столь дальним вояжам. Однако оказалось, что я рано смирился с тем, что еще целый год не увижу маму, сестренку, дядюшку Мэтью и всех прочих сородичей. Сейчас узнаете, в чем

дело. Наутро, после «ночи печали» я, не помню уж какими судьбами, оказался участником заседания Ассоциации боевых искусств Сорренто. К моему вящему удивлению выяснилось, что несколько джентельменов из числа присутствующих имеют аттестационные удостоверения, выданные в городке моего рождения, Монтэ, и подписанные, к тому же, моим сенсеем, Го Сенном, Старшим тренером Империи по ушу.

Это и вдохновило меня смотаться в родные края за «корочкой», ведь я занимался восточными единоборствами не две недели, коих хватило этим счастливым обладателям удостоверений, чтобы получить право на преподавание в группах начинающих, а целых четыре года, до окончания школы. Правда, занимался я не китайским ушу, а японским карате, но это меня не смущало – если мой сенсей, лучший в Империи в бытность мою каратистом, стал вдруг Старшим тренером по ушу, то и я сумею перековаться.

Ушу, являясь прародительницей карате, в полной мере сохранило духовность, роднящую его с индийской Йогой, и поэтому многие адепты карате сознательно перекрасились, ну а другие, мало интересующиеся ростом собственного Духа, переименовали себя в ушуистов потому, что тогдашний запрет на карате в Империи не распространялся на ушу из-за того, что изначальный путь к боевому мастерству в нем намного длиннее, чем в упрощенном японском варианте, и ушу можно было несколько лет заниматься под видом

«гимнастики», постепенно подготавливая разум и тело к тем сверхъестественным нагрузкам, которые сопутствуют занятиям настоящим воинским искусством.

Я вспомнил, как десять лет назад нас регулярно разгоняли, но наше стремление овладеть секретами древних воителей было так сильно, что школа моего сенсея походила на лужицу воды в воронке: шмякнешь по ней чем-нибудь, вроде все разлетелось брызгами, а подойдешь через минутку – и вновь блестит лужица на дне, и последние капли стекают по стенке воронки туда, откуда были выдворены...

Удачно сбыв свой старый телевизор – давно было пора приобрести что-нибудь покруче, я наскреб на дорогу, а уж приобрести билеты труда не составило, правда, пришлось вхолостую пококетничать с убийственно-красивой работницей авиакасс. Почему «убийственно»? Потому что, хоть убейте, не сумею жалким пером своим передать впечатление от ее серых, словно бездонные колодцы, в которых отражается небо, глаз. От ее губ таких медово-сладких контуров, что у меня засосало под ложечкой, и настало состояние, которое испытываешь в легком нокдауне: вроде все видишь четко, но что-то не так, будто смотришь сквозь толстенное стекло, которое не разбить – все рядом, а не дотянешься.

Ну да ладно, я так просто не сдамся! Через неделю пойду сдавать билеты. Скажу, дата не устроила. Надо не забыть купить шоколадку – иногда путь к сердцу красивых женщин тоже лежит через желудок, ну если не через желудок, то че-

рез более материальные субстанции, чем те, которые мы вливаем им в уши. А если потерплю фиаско – еще лучше. Сам ведь постоянно убеждаю себя: ни в коем случае не увлекусь юной красавицей! К чему мне эти вздыхания под зевающей луной, которой опостылело слышать от слащавых молодых придурков в течение тысяч и тысяч веков одно и то же.

Если уж выбрал Путь, то надо идти им, не отвлекаясь по мелочам. Другое дело, если удастся подцепить ту, из мэрии. Какое приятное лицо! Бронза с молоком. Идет год Змеи – ее ноги были обтянуты чешуйчатыми чулочками, стоит глянуть – и хочется убежать подальше, зарыться головой под матрац и еще сверху примостить подушку – лишь бы избавиться от непреодолимого соблазна! Под тридцать пять – самый сок! – и никаких колец на пальцах! Эх, папаша ты мой, черт тебя подери с твоими генами, нет мне покоя в жизни, сколько умопомрачительных женщин в Сорренто, общепризнанной столице красоты Империи, если из-за каждой сердце пускается в галоп, как же «стремиться выполнить истинное предназначение Пути»? но – мэрия! Какие перспективы! Когда вновь встречу с Олом, обязательно еще раз попытаюсь запеленговать эту мадам...

Позавчера, когда мы «инспектировали» очередную новую сауну с его девчонкой – симпатяга, кстати, – он не смог вспомнить, о ком я говорю. Вспомнит, таких умных, холерных женщин в мэрии раз, два – и обчелся. Порода, она всегда видна. Наша «инспекция» сопровождалась бутылочкой

«Нарын-Калы». «Термоядерный коньяк» – так сказали ребята из Оздоровительного центра. Даже очи «симпатяги» покрылись маслицем – на меня она стала взирать весьма благосклонно. Впрочем, причина ее учтивости могла быть и иной – когда я вытирался банным полотенцем после процедуры «инспекции», она случайно (?) заглянула в нашу раздевалку и зацепилась взглядом за мой «агрегат», который скромно болтался между ног, покорно следуя вектору силы тяжести, словно строительный отвес. Когда мы покидали баню, в вестибюле на мгновение остались вдвоем с ней, и она заявила ни с того, ни с сего:

– Ты парень, что надо!

Я в тот момент еще не уловил, на чем базируется столь лестное утверждение, и скромно промолчал. Позже Ол сказал, что поддерживает с ней пока чисто платонические отношения. «Пока» – потому что она девственница, а он не жаждет быть первооткрывателем. Вот и я тоже брякнул: увольте! Последствия моего невнимания к чужим чаяниям сказались весьма скоро. Ол все-таки рискнул «прорубить окно», и при каждой встрече с симпатягой я читал в ее пламенных взорах искреннее негодование в мой адрес. По счастью, Ол вскоре перебрался на другие пастбища, чем избавил меня от испепеления...

Дома меня поджидал Виктор. Зря я ему сказал, что собираюсь съездить на родину, в Монтэ. Теперь он понадеется оттянуть возврат долга до моего отъезда, а там успокоит се-

бя тем, что я, мол, уехал – кому же теперь отдавать деньги? Парень, конечно, веселый. В кавычках. Это – низ. Тут – самая грязь, самый мрак жизни. Постучался робко. Поздравил с праздником (каким)?

– Все будет о*кей, брат! Помни тетку Гор. Я узнаю, кто убил твоего дядю. Яш был мой товарищ!

Пошатываясь, сжал заскорузлую руку в кулак.

– Тут, – рыгнул, – вся степь – моя!

Дальше непереводаемо. Потом, когда понуро сгорбясь, совсем было ушел, он неожиданно вновь обернулся ко мне:

– Слышь, Лан, к Тан поеду. Повесилась она!

Я, вообще-то, столько навидался в этом доме, что лишь сочувственно кивнул и тяжело вздохнул. И особо не удивился, когда через пару часиков усопшая заявила собственной персоной.

– Где Виктор? – мелькнула щербатая пасть.

– К тебе поехал.

– Ко мне?

– Не знаю, сказал, что к Тан.

Она отлипла. Я врубил музыку, повалился на своей убогой лежанке. Вдруг чем-то завоняло. Подумалось: – из петли вынули, так решила отравиться газом. Тихонько пробрался на кухню, гляжу – сидит на табурете, в руке стакан, на плите мясо тушится – здесь все в порядке. А вот в душе моей – муть. Когда же наскребу на приличное жилье? Как не везет с этим – хоть волком вой! Хозяюшки попадают – дай

Боже! Одна – сумасшедшая дуринда, Валя Петна. Вторая – напротив, оказалась не дура: взяла оплату за год вперед, прохиндейка. Я решил: наконец-то поживу спокойно. Недельку я на Боб-стрит пожил славно – не отрицаю. А потом явилась с Севера соседка. Соседкой назвать ее, признаюсь, я решился с трудом. Короткая стрижка, батонообразная фигура без малейшего намека на талию, не в меру общительная: увидела рядом с магнитофоном пузырек со спиртом, и тут же приняла вовнутрь. Что ж, воды в кране хватает (иногда), пришлось чистить магнитофонные головки ею.

Сам я, ей Богу, не допер бы, с чего это к ней приходят чуть не каждую ночь подружки, столь же мужеподобные, как и гостеприимная моя соседка, – вырос я хоть и в бедной, но интеллигентной семье, и о таких сторонах секса слышать не приходилось. Правда, когда мы со Стивом приводили девчонок из кабака, мне казалось подозрительным, чего это она вдруг заявляется с неизменной просьбой дать ей гитару и, отворив двери своей комнаты в общий коридор, начинает распевать душещипательные песенки? Подружек, по счастью, мы притаскивали вполне нормальных, так что сцен ревности нам со Стивом устраивать соседке не пришлось.

Но это все цветочки. Через пару деньков после первого контакта с соседями Судьба осчастливила меня вторым. Инструментом этого благодеяния оказался потрепанный субъект с бегающими глазками и визгливым голосом тюремной шавки. Казалось, он орет для того, чтобы заглушить свой

страх, причем это ему вполне удавалось. Несколько секунд для разгона, и все – его не перекричать. Но, видно, выражение моего лица не вполне его устроило, ибо он осекся на полуноте и довольно спокойно, если можно применить это слово к трусливо дрожащим рукам и скользкому взгляду, спросил, все же не теряя надежды меня припугнуть:

– Кто вы такой?

– Квартирант.

– Какой квартирант?! Эта квартира больше не принадлежит Салдам!

– Ничего не знаю, сударь. Это мои родственники, и они сдали мне это помещение на время.

– Какие родственники? Никаких родственников! Я сообщу в домоуправление, в полицию, в мэрию! Вас выселят!

Дальнейшие его высказывания приводить не стоит, ничего заслуживающего внимания. Когда он осознал, что я готов задать ему леща, то моментально испарился.

Однако полицейский действительно заявился, напугал мою сестренку Элен, и та призналась, как на духу, что мы никакая не родня Салдам. Пришел я с работы, услышал из уст Элен о визите блюстителя порядка, и муторно стало на душе. Но и это еще не все. Через день раздается стук в мою дверь. Отворяю – две суровые матроны, даже не поздоровавшись, заваливаются ко мне и начинают орать, что я не имею права, что Салды подлецы, уже второй год не платят за жилье, что скоро суд, что вообще они люди-злодеи, отца упекли

в приют и т.д. и т.п. . .

Но и это еще не все! Через пару дней заваливается тощий парень в протертых до дыр джинсах и заявляет:

– Я друг Салдов, поживу здесь недельку, меня зовут Тобби.

– Очень приятно, сэр. Попрошу вас удалиться вон!

До потасовки не дошло – выяснилось, что он сидел в тюрьме с моим землячком, которого звали Темир, «путевый чувак». На том и порешили – путевый, так путевый. Но вечером – очередной сюрприз. Заваливается еще один хмырь. Рот – до ушей.

– Зема, привет!

Оказалось, сидел в Каспе.

– Здорово там у вас! Виски – на каждом углу, а пьяных не увидишь. Умеете пить, черти!

Его восторженные речи бесцеремонно прервал звонок в прихожей. Дверь отворилась, и сердце у меня екнуло – форменная фуражка просунулась в щель, а под ней – полицмейстер. Все-таки выловил он меня!

– Вы мистер Лан?

– Да, я. Вы, собственно, по какому...

– Добрый вечер.

– Вечер добрый! Чем обязан столь высокой...

– Ваши документы, пожалуйста!

Я уныло полез во внутренний карман смокинга. Он старательно переписал всю географию и цифирь из моего аусвай-

са.

– По какому праву вы заняли это помещение?

– Видите ли, мои родст... – тут я прикусил язык. Элен ведь раскололась на сей счет! Она, как и я, как и Том, как все мои близкие, маленькие человечки, пугались при виде представителей власти. Кроме всего прочего, она еще не забыла того летнего дня...

Элен возвращалась с прогулки, когда ее догнал полицейский джип. Машина резко затормозила и из нее вытряхнувшись верзила с масляными глазами и слюнявой пастью.

– Эй, детка, что ты тут делаешь?!

– Иду с озера, сэр!

– С кем ты там миловалась? А?

– Вы ошибаетесь, сэр, я там была с подружками, они еще там, а мне пора домой.

– Ладно мозги пудрить, деточка! Полезай-ка сюда, мы тебя подбросим до участка, там разберутся, кто ты и что ты!

И испуганно дрожащую, готовую разрыдаться от ужаса и оскорбления Элен затолкали в зарешеченную дверь джипа. Инспектор, уверенный в своей безнаказанности, полдня куражился. Будь она на год-два постарше, она оттуда вернулась не девочкой. Уговаривая поиграть в кошки-мышки, тот обещал не сообщать матери на работу, в противном случае, тут он тыкал в «Уголовный кодекс», в котором сквозь слезы Элен не могла ничего прочесть, своим толстым, как сосиска, пальцем и угрожающе рокотал:

– Отсидишь два-три года, там тебя пообломают, недотрога!

Элен целую неделю после этого не выходила на улицу, и глаза ее не просыхали от жгучих слез. Мама в ярости готова была идти хоть в Столицу, но добрые люди отговорили. И тот молодчик отделался легким нагоняем от добренького начальника. Ох, и отомстили бы нам ребятки в форме, накажи его серьезнее! И кто уберезет от тех, кто нас бережет?..

– Видите ли, я снял эту комнату.

– Где документ?

– Документ? – я запнулся. В нем была указана кругленькая сумма, которую я отвалил чете Салдов, и которая не фигурировала в налоговой декларации.

– Документ еще лежит в нотариальной конторе, там все в порядке, не волнуйтесь, сэр!

– Мне волноваться нечего, – он многозначительно вперил свои сумрачные очи в меня, – волноваться вам надо... Вот квитанция, распишитесь здесь в том, что нарушили Жилищный кодекс. Штраф...

Тут вновь раздался звонок в дверь. Ну, думаю, крышка – еще какой-нибудь начальник заявился! Однако на этот раз я ошибся. Это был Робби. Обведенный вокруг пальца хитроумной госпожой Салд и мечтая поскорей съехать отсюда, я надеялся каким-то образом восполнить свои финансовые потери. Пример был налицо, и я решил сдать эту комнату такому же простачку, как я сам. Однако Робби оказался да-

леко не таким беззубым, как ваш покорный слуга. Жизнерадостно улыбаясь, он поприветствовал меня рукопожатием, осклабился, приложив ладонь к шляпе, полицмейстеру и, кивнув стоящему рядом со мной хмырю в куцем пальтишке, спросил:

– В чем дело, ребята?

Лицо под фуражкой скисло. Он, как видно, надеялся урвать с меня нехилый куш... Робби схватил мою руку с квитанцией, пробежал по тексту глазами и с изысканной вежливостью вернул ее хозяину. Тот разочаровано ретировался.

– Эх ты, паря! – Робби укоризненно покачал головой.

– И ты хотел сдать мне эту конуру? Бог с тобой, я тебя прощаю. Скажи спасибо, что я вовремя подоспел – не то ты здорово потратился бы. Этот молодчик долго бы тебя доил, пользуясь твоим невежеством. Никогда не подписывай таких бумажек...

В этот момент что-то загрохотало в коридоре. Хмырь в пальто, барахтаясь в куче хлама, приподнял свою голову, пошатываясь принял вертикальное положение и удалился, пьяно чертыхаясь.

... Теперь вот эта дыра в Старом городе. Сортир – во дворе, вода – во дворе, «мусоропровод», естественно, там же. Пал, восьмидесятилетняя ведьма, – мертвого доконает придирами и маразматическими выходками. Вот и Виктор, и его пассия Тан бегут от нее без оглядки, лишь по воскресеньям показывая носы...

Опять на кухне какой-то шум. Это Виктор кроет отборным матом свою мамашу, – и, ей-Богу, хотя в моих родных краях такое немислимо, я с ним солидарен.

– Тварь, ведьма, всю жизнь мне сломала! – доносится надрывный голос Виктора. В ответ раздается гнусавое невнятное бормотание, словно старуха набрала полный рот фасоли. Сожительница Виктора жарит рыбу. Тоже – штучка! По ее милости позавчера зверски не выспался. В полночь вдруг стучится в дверь хозяйка:

– Лан, открой!

Молчу, так как давно заметил – ей доставляет удовольствие разбудить меня посреди ночи и спросить:

– Ты дома? А я думала, тебя нет!

Пусть думает, что сплю. Однако на сей раз все завершилось не столь ординарно. Грохнуло разбитое окно в ее комнате. Надо подыматься. В мою дверь замолотили кулаком:

– Лан, открой, пожалуйста!

Голос Виктора:

– Не стучи!

– Нет, нет! Надо попросить Лана! Пусть он скажет, что никого из нас нет дома! Дверь только не отворяй им, Лан!

Снова звон разбитого стекла – на этот раз в прихожей. Я напялил штаны. Быстрый встревоженный шепот:

– Он полез в окно!

Послышался скрип распахиваемого окна и, одновременно, треск ломаемой двери. Это уже к нам, в гостиную. Я от-

ворил свою дверь. Пал, суетливо трясясь, подковыляла к окну и скрюченными «граблями» стала дергать все шпингалеты.

– Открой, Лан, пожалуйста!

С ее сморщенных губ свесились две упругие струйки мутной слюны и, гибко раскачиваясь в такт противно разевающемуся старческому рту, вдруг одновременно оборвались, шмякнувшись зловонными лужицами на обивку моего стула. Окно было заклеено на зиму. Она в панике засеменила в свою комнатку. Через несколько мгновений дверь гостиной не выдержала натиска и одна створка ее отворилась с жалобным скрипом. Ввалились два взлохмаченных орангутанга. Один сивый, с недельной щетиной на мятой роже, второй, чем-то смахивающий на хорька, потемнее мастью и пониже ростом.

– Где они?!

– Кто?

– Чего ты дурачком прикидываешься, парень?! Где Пал?

– Полегче, маэстро! Откуда я знаю?

– Не знаешь? Натрахался с чужой женой, и не знаешь?

Он бесцеремонно прошел к моему шифоньеру, засунул туда руку и поискал там свою ненаглядную. Не найдя, подошел к кровати и заглянул под нее. Потом озадаченно почесал в затылке и, уже потише, просипел:

– Где моя жена?

– Слушай, орел! Глянь сколько мне лет. Если у меня заче-

шется «женилка», я сниму молодуху, понял? За своей благоверной следи сам!

Тут встрял хорек:

– Алекс, может, они в окно?

Алекс протопал в комнату Пал. Я тоже заглянул ради любопытства: окно распахнуто настежь, на полу валяются интимные принадлежности туалета Виктора и Тан. Покинутый супруг схватил ярко-алую кофточку, капустного цвета трусы и засаленный бюстгальтер женушки, и обернулся ко мне:

– Слушай, парень! Скажи ей, что я забрал шмотки.

Хорек сказал:

– Алекс, кажется, я видел – здесь стоял голый мужик.

Тот прорычал:

– Ну, попадетя мне эта старая сводница! Где она?

– Не знаю. Тоже, наверное, в окно.

– Двое детей, а она гуляет! (Это уже о Тан).

Я пожал плечами, – найди и ты себе телку.

– Да не во мне дело! Вот в них! – он ткнул пальцем за мою спину. Тут только я заметил двух мальчуганов, лет восьми и пяти. Видимо им было не впервой ловить мамашу с поличными, так как на их лицах не было ни отвращения, ни брезгливости. Тот, что постарше, будничным спокойным голосом сказал:

– Я тоже видел в окне голого дяденьку.

Хорек поинтересовался у меня:

– Кто был с нею?

– Не знаю, я спал, когда вы стали ломиться. Может, никого и не было.

Алекс виновато протянул руку:

– Извини, брат! Сам видишь, двое деток. Им мама нужна. Я понимающе промолчал.

– Извини!

Они ушли. Я запер за ними дверь. Прошел к себе, выключил свет, оставив только ночник. Да, веселенькая у меня жизнь! Что ни день, то подарочек. В спальне что-то зашуршало. А, плевать! Да нет, если что пропадет, свалят на меня. Я направился туда, но резко тормознул – белые полушары груди Тан слегка всколыхнулись мне навстречу, она сдавленно хихикнула:

– Я тут под кроватью лежала, все слышала. Ты молодец, Лан!

Я поспешно ретировался в свою комнату. Вообще-то, без ее жалкого тряпья она смотрится более-менее. И грудь еще не отвислая, сахарно-белая, и пониже тоже ничего. Даже не прикрылась, стерва! Неожиданно вновь раздался стук в окно. Я чертыхнулся.

– Слышь, Лан! Это я, Алекс! Когда придет, скажешь, что ее барахло валяется здесь, под кустом.

– Хорошо, – пробурчал я.

– Извини, брат! Спокойной ночи!

– Спокойной!

Я вновь прилег, с тоской уставившись в потолок. Спо-

койная ночка, ничего не скажешь! Через минуту в спальне скрипнула половица – ушла Тан. Тряпье искать, наверное, а может – Виктора...

Что-то шептали часы, глаза начали слипаться. Тьфу ты, черт! – снова стук в окно. Я отодвинул занавес, на ходу предельно стукнувшись коленом об угол стола. В глаза ударил пронзительный свет ручного фонарика.

– Откройте, полиция!

Я побрел в прихожку, кляня весь свет. Двое в форме, и с ними Алекс.

– Добрый вечер!

– Вас также.

– Что здесь произошло?

– Не знаю! Я спал, вдруг стук, грохот, звон.

Они прошли ко мне в комнату. Прищурившись, осмотрелись. Один, кивнув на музыкальный центр, поинтересовался:

– Меломан?

Я промолчал.

– Студент?

– Да.

Полицейские стали тихо совещаться между собой. До меня доносились обрывки фраз:

– ...надо с поличными... что теперь-то...

Потом, видимо приняв решение, повернулись к выходу:

– Ну, мы пойдем. Простите, что побеспокоили.

– Ничего, ничего – с облегчением успокоил я их.

– Спокойной ночи!

– Взаимно.

Алекс чуть поотстал от них. Потоптавшись на месте, проговорил:

– Слышь, если она придет, скажи что ей ничего не будет, пусть только возвращается!

Резко повернувшись, он вышел за теми двумя. Я тяжело вздохнул. Взял кусочек хлеба, пожевал, не чувствуя вкуса. Звякнула щеколда – это возвратились беглецы. Виктор в плавках и туфлях на босу ногу. Тан в разнокалиберном тряпье, попозже и Пал приползла, стена и кряхтя. Виктор попытался браво ухмыльнуться:

– Он с детьми был, а то бы я его!..

Я покивал согласно головой, ну да, ну да, и отправился к себе.

Наутро я проснулся от нестерпимой вони. Пахло калом, как в общественном сортире. Я вышел в общую комнату. Резануло ноздри – рядом с койкой на неестественно раскоряченных ногах стоял Виктор, и в полутьме я успел заметить, как по белизне его ляжек сползает темно-бурая масса, источая пронзительные ароматы. Запоздалая реакция! Я сплюнул сквозь зубы и захлопнул свою дверь. Ну и ну... Адам и Ева!

С печальной улыбкой пророка

Он саданул её в глаз.
Брызнуло синее око,
Чуть покорёжен фас.

Она, подойдя поближе,
Коленом ему между ног.
Капает алая жижа
Меж запыхлённых сапог.

Опомнились: что содеяли!
Человек человеку – брат!
Беззубые рты зияли –
Вдруг расхотелось орать.

Он улыбнулся мирно.
Соорудил бутерброд,
Маслом намазав жирно
Хлеб, и отправил в рот.

Вдогонку текло рекою
Коричневое винцо.
Лица дышали покоем.
По радио пел Виктор Цой...

Не позавтракав, я поплелся на работу, пытаюсь навести порядок в мыслях. Почему Природа создает людей, которым

суждено быть вечно несчастными? Скорее всего для равновесия, иначе она не могла бы одаривать счастьем всех своих любимчиков. Тяжело в двадцать четыре осознавать, что еще до рождения тебе была уготована роль балласта. И хоть бейся лбом об стену – ничего не изменить...

Я перешел улицу у винного магазина. Как всегда, на тротуаре сидит безногий калека и просит подавание. Как всегда, все равнодушно проходят мимо. Нет, вот остановились двое: мальчик на костылях и с ним взрослый мужчина, видимо отец. Порывшись в кармане, мальчуган вынул блестящую монетку и подал безногому. Воистину, собственные страдания смягчают душу и сердце! Вот и ответ на мой вопрос. Но, как и во всяком правиле, здесь могут быть исключения – чрезмерные страдания ожесточают. Да где эта мера?! Как узнать? Ведь сказано в Книге: «Не возлагаем Мы на душу более того, чем она способна вынести...». Значит, ожесточается тот, кто слишком жалеет себя, так надо понимать? Самовлюбленный вы эгоист, мистер Лан! Я покопался в бумажнике – мелочи не было. Черт с вами, господин Эгоист, не обеднеете! И я сунул в руки ошеломленного калеки первую попавшуюся купюру...

На работе я чувствовал себя препаршиво. Привезли маленькие телевизоры. Разбраковывать их – противней некуда. Да еще все занимались чем попало, только не разбраковкой. Какое удовольствие корячиться, когда остальные прохлаждаются? Я вяло побрел к куче привезенных телевизо-

ров. Варлен, управляющая, уставилась на меня и заверещала:

– Лан, что ты работаешь, как сонная муха? Поживей, давай!

Терпеть не могу, когда на меня покрикивают, тем более, ее сыночек, Серж, околачивался рядом с ней, «заряжая» очередного клиента на «стольник сверху». Я рывкнул:

– Серж, пойдем работать!

Позже, в подсобке, когда мы обедали, она подошла и, пробормотав что-то для отвода глаз, перешла к делу:

– Что-то Лан сегодня плохо работает!

Дурацкая привычка – всегда чувствовать себя виноватым!

Я проямлил:

– Настроения нет, с хозяйкой поцапался.

– А, вот в чем дело! Вот Тэдди – если есть настроение, горы может своротить, а если нет – то как медведь в спячке. Зачем же всем халтурить?

Понятно – напрасно я зацепил ее чадо.

– А что мне стараться? Зачем высовываться? Как все, так и я.

– Не надо равняться по худшим.

Я не стал спорить. Женщину не переубедишь, тем более, она сейчас защищает своего отпрыска. Тут встрял Вилли.

– Я не понимаю, как это можно работать по настроению?

Работа – это работа.

Я опять промолчал. Этот умник всегда приходит на рабо-

ту к половине одиннадцатого, хотя все должны быть на месте без четверти десять. До чего большинство людей уверено в собственной непогрешимости, раз готовы облить грязью любого, не задумываясь – а чем же я, собственно, лучше, и имею ли право осуждать кого-то, если у самого «рыльце в пуху»? А ведь еще две недели назад я считал его своим приятелем. Хорошо, что он вовремя показал себя. На обратном пути из Столицы Империи...

Вообще-то я считаю, что мужчины не должны ссориться из-за женщин. Но ссоры как таковой и не было. Просто я узнал, как он ко мне относится. Девчонка была – что надо! Чернобровая, черноокая, крутые бедра, осиная талия – в общем, глядел я на нее, и внутри все сжималось от восторга. Но виду я, конечно, не подал. Поболтали о погоде, Столице, о том, как отдохнули. Четвертым был в купе старикан, ветеран войны. Рассказывал о своем житье-бытье, здорово нас повеселил. Потом сели за столик, который вмиг украсился чем Бог послал. Я извлек из саквояжа припасенную на подобный случай бутылку десертного вина – девица того стоила! Однако Вилли решил перехватить инициативу и ринулся в «охмурез». Кто смел, тот и съел, я не стал особо трепыхаться. Но мне не понравилось и заставило призадуматься то, что он постоянно в течение нашей совместной трапезы пытался выставить меня на посмешище, опровергая каждое мое слово, вплоть до невинных высказываний о погоде. Друг ли он мне? Ночью, благо я, как и Тома, лежал на верхней

полке, мне удалось взять реванш. Протянул руку в направлении объекта нашего вожделения, и не зря – мой визит ждали с нетерпением. Я согласился со справедливостью поговорки: «хоть горшком назови, только в печь не клади». Согласен и впредь быть «гадким утенком», если снимать сливки достанется мне...

Посреди ночи потянуло подышать свежим воздухом, и я потихонечку выбрался из купе. Вдоволь надышавшись, решил избавиться от излишков влаги, перекочевавшей в меня из заветной бутылки. В крайнем купе не спали. Я невольно прислушался к ночной беседе. Обсуждали новый телефильм:

– У нас мафия сильнее, поэтому стрельбы меньше. Исчез человек, и все – никто ничего не знает. А у них – демократия, так просто рот не заткнешь!

И сколько гордости в голосе говорившего! Так уж устроен человек, – если нет возможности гордиться чем-то хорошим, то хотя бы плохим, но надо. К примеру тем, что мафия у нас сильнее! Ай да мы!

Под перестук колес заснулось легко. Но, видно не всю избыточную влагу я выдворил – сон приснился жуткий... Я бежал во весь дух. Но Тот не отставал. Он ковылял, мерно постукивая своей палочкой по брусчатой мостовой, побряхтывая и неторопливо вытирая пот со лба розовым платочком. От бега на пределе сил в горле пересохло, липкая слюна стягивала рот; сердце, казалось, вот-вот лопнет, как воздушный

шарик, размазавшись по грудной клетке кровавыми слизкими клочьями, но оторваться от своего преследователя я не мог. Его удручающе ленивый шаг, растянутый в скучающей улыбке бесформенный сизый рот, тускло поблескивающие круглые очки – все мчалось вслед за мной, словно привязанное на веревочке... Я задыхался от ужаса. Вдруг плечо мое начало трястись. Весь мир вокруг стал содрогаться, голова болталась, как у китайского болванчика и я... проснулся. Рядом стояла Тома, жизнерадостно тормоша меня и приговаривая:

– Вставай, соня, проспичь станцию!

Вот-те на! А что же Вилли? Почему не разбудил? Ладно, разберемся. Я быстро собрался. Тома пошла провожать меня. Я нежно чмокнул ее в щечку, вдохнул аромат юности и французской косметики, и улыбнулся, глядя в мерцающие темные глаза. Это было прощание без слов. К чему слова? Они способны приземлить любое чувство, низведя его до уровня банального обмена любезностями. Я лишь ласково погладил ее трепетный стан, круто переходящий в налитые страстью и силой бедра...

От воспоминаний о бедрах меня оторвал непонятный скрип. Человек, сидящий по-турецки на какой-то доске с колесиками, покатился напрямик за ряд прилавков, чтобы поближе рассмотреть телевизоры, расставленные на столах для ремонта.

– Туда нельзя! – повысил голос один из наших.

– Он, наверное, глухой! – с закипающей яростью выдал я. Тот остановился и, немного приподнявшись на руках над полом, развернул свою тележку в нашу сторону. И гнев, зародившийся в моей груди, вдруг бесследно улетучился, уступив место постепенно разраставшемуся и заполнявшему сердце состраданию. Он смотрел на нас снизу вверх.

– Где можно приобрести маленький телевизор?

Нормальное лицо, туловище, руки – и нет ног. Мне на мгновение стало страшно – это была половинка человека, и все-таки это был человек. Неужели мы все превратились в бездушных ублюдков, раз могли с такой злобой орать на него? Мы вдруг почувствовали себя неловко, засуетились, пытаюсь загладить вину перед ним. И в этот момент я любил всех своих товарищей по работе, и себя тоже – оказывается, мы пока еще – люди!

Настроение слегка улучшилось. Я опять вышел в торговый зал. Ого, да здесь Линда! Я улыбнулся ей от всего сердца. Луч света в темном царстве! Что бы мы делали без женщин? Кисли бы и чахли, так я думаю. Оказалось, она надумала наконец-то купить телевизор. Мы не были любовниками, и я с чистой совестью «зарядил» ее на «полтинник» (это по-божески!). Да к тому же она попросила помочь довести покупку до дома – это еще «двадцатник». Я пошел отпрашиваться у Варлен. Та, наверное, была рада сплавить меня с глаз долой и возражать не стала. Линда жила не очень далеко и мы добрались без приключений. Взгромоздив новенький

телевизор на тумбочку, я бесцеремонно уселся на аккуратную застеленную койку напротив. Она присела рядом на стуле.

– Ты не был женат, Лан?

– Упаси Боже, Линда!

– А я замужем во второй раз. Он моложе меня на десять лет.

Взглянув многозначительно, она продолжала:

– Ты такой сильный! – один справился с этим ящиком, мой так не сумел бы...

Эх, глупость моя зеленая! Не уловил тогда, к чему она клонит! Линда была очаровательна: белокурая, сероглазая, тоненькая, высокая и, самое главное, притягивала как магнит. Я всегда дрожал мелкой дрожью от вожделения в ее присутствии. Но робость, проклятая робость, сковывала мои члены. Целый год мы терзались взаимным влечением. Она не могла вешаться в открытую, а до меня не доходило, насколько мудро она готовила «плацдарм» для меня, чтобы операция по ее захвату в любовницы была максимально успешной и без лишних потерь. Приглашая к себе в гости, она подчеркивала – познакомишься с мужем, может и подружитесь. Я же, безмозглый идиот, отвечал – я хочу видеть тебя, а не мужа. В другой раз она зашла ко мне на работу со своей подругой – замути я с ней, Линда запросто могла бы оправдать мое присутствие у нее дома, застань нас вместе ее муж – это, мол, друг Виктории, думал, она у меня, вот и забежал на минутку. Я вновь прохлопал ушами, эта Викто-

рия не стоила для меня и мизинца Линды. Так мы и остались приятелями – она с мужем переехали в новую квартиру, в Новый город, и встречи стали редкими, мимолетными, ведь и меня несла река Бытия – нужно было думать о крыше над головой, о пропитании и многом, многом другом – дробление Единого на мириады несвязанных между собой осколков понуждало распылять силы на эти клочки Истины, истощая дух, разум и тело нескончаемой борьбой за существование...

Счастье – там, на другой стороне Земли.

В общем, не там, где мы.

Как с кошельком? – Давно на мели,

С самой, считай, зимы.

Личная жизнь? – Да какая «жизнь»!?

Правильней будет – «смерть».

Сила Земли тянет лишь вниз,

Вот бы скорей умереть!

Как на работе? – Да все «ништяк»!

Век бы ее не видеть!

Видно, на свете что-то не так,

Что – не могу угадать.

Видимо, я неудачно рожден, -

Не к месту, да и не в срок.

Лучше б пролиться весенним дождем, -

Был бы какой-то прок.

А так, – ну какой от меня толк?

Пусть я умею любить, -

Доля моя – одинокий волк,

Жаль, не умею выть.

Жаль, не прощаю себе измен,

Жаль, что такой однолюб.

Жаль, не могу перерезать вен

Из-за Марин или Люб.

Жаль, что любимой своей никогда

Я не скажу – «жена».

Женщина в доме – это беда

Если она неверна...

Глава вторая: «МЭРИ»

Юл и Лин ушли. Я взглянул на Мэри. Это был тот момент, когда надо принимать решение.

– Мэри, – с усилием проговорил я, – пойдём и мы погуляем?

Она опустила глаза и тихонько прошептала:

– Идем.

Я не знал, как быть дальше – одеваться? А вдруг она пошутила – и тогда наверняка мне придется ретироваться. Но немного пораскинув мозгами, я в душе согласился с тем, что нет смысла торчать тут при любом раскладе. Пойдет – хорошо, а не пойдет – какого черта мне здесь киснуть? Выплясывать до утра, как сопливый юнец, мне не по вкусу, а пить – так мы уже все вылакали. Я медленно оделся, нахлобучил шляпу. Мэри подошла к вешалке. Вот черт, чуть не проспал! Стукнувшись ногой обо что-то весьма жесткое, я успел-таки схватить ее небесно-голубую куртку и помочь надеть. Довольно удачно справившись с первой частью ритуала под названием «смазать пятки салом», я кинулся открывать дверь. Пребольно ткнувшись безымянным пальцем в дверную филенку и попытавшись скрыть гримасу боли, приподняв в бодрой улыбке уголки рта, я все же справился и с этой частью своего злодейского замысла, лишь немного ушибив правое плечо о створку двери. Вдогонку кто-то прохрюкал:

– А куда вы пойдете гулять?

Напомнив им свой адрес, я захлопнул за собой дверь. Полдела сделано. Мы с Мэри вышли на улицу. Довольно тепло. Я стал поспешно перебирать в уме темы для беседы. На восемнадцатой или двадцатой я махнул рукой – гиблое дело! С моим «ораторским» даром заняться «съемом»! Ладно, не пропадем, – я мысленно прикинул, чем можно будет утешиться в случае «облома». Так, коньячок еще не закончился, и можно будет врубить на полную мощность «любимую женщину» Валери – Патрицию. Негусто...

– Лан, а куда мы идем?

Она взяла меня под руку. Как я был благодарен ей за это!

– Ко мне.

Чтобы заполнить возможную неловкую паузу, я брякнул первое, что пришло на ум:

– Сейчас поймаем тачку!

(Хм, довольно удачно!). Однако, шел второй час ночи. Но лед уже тронулся.

– Как бы нам не пришлось топтать пешком, – улыбнулась Мэри.

Какой у нее голос! По-детски нежный, он был одновременно очень женственным, у меня аж защемило в груди.

– Задубеем! – с видом пророка изрек я, но где-то возле сердца, как бы в ответ, зашевелился теплый мягкий комочек, разрастаясь и согревая меня изнутри. Мы медленно шли по обочине. Проезжающие таксисты демонстративно воро-

тили носы от нашей парочки. Тихо кружа, снежинки обволакивали пространство вокруг нас уютным полупрозрачным покрывалом.

– Я не очень люблю гулянки. Какой-то бес сидит во мне. Когда хорошо, он шепчет – «пусть будет плохо», и я сам себе устраиваю страдания, как будто боюсь – если мне будет очень хорошо, то потом обязательно станет совсем плохо. Лучше пусть будет не очень хорошо, зато потом и не будет очень плохо.

– И у меня точно так же, – кивнула Мэри, – я не люблю «слишком». Один парень из-за меня вешался. Какая глупость!

Я не знал, что ответить. Почесав в затылке, я пожевал губами, кашлянул и хмыкнул:

– Да, действительно глупо!

Мы были у моего дома.

***

...Я целовал ее тонкие руки...

– Давай пить коньяк! – вспомнил я, и достал из шкафа красивую коробку, вынул бутылку.

– Пятнадцать лет выдержки! – с пафосом возвестил я ей. – А еще у меня есть мед! А еще – благодарные ученики презентовали мне лимон!

Я кормил ее с ложечки медом, а потом целовал в губы, которые становились от меда еще слаще...

Когда я склонился к ее груди, слезши с дивана, она удивленно-протестующе воскликнула:

– Передо мной, на колени?!

Признаюсь, эта сторона вопроса прошла мимо моего сознания. Я не задавался целью встать перед нею на колени, моля о любви. Просто мне так было удобнее орудовать, но я не стал ее разубеждать.

– Может, мне снять кофточку? – спросила она, заметив мои неловкие попытки сделать это самому. Какие у нее груди! Маленькие, нежные, словно бутоны белых роз, вот-вот готовых распусться. Я был опьянен их свежестью и девичьей упругостью. Дыхание вдруг сперло, меня трясло мелкой дрожью. Какая фемина! Я хрипло выдавил:

– Перейдем в спальню?

Она опустила голову и призывно прошептала:

– Возьми меня на руки, меня никогда не носили на руках...

Признаюсь, я не делал этого лет пять. А что, если уроню? Но я храбро воскликнул:

– Я не очень пьян, так что сумею!

Это оказалось совсем не трудно – она была худенькой, как нимфа. Изящные, точеные ноги, маленькая, почти детская грудь, удивительно пропорциональные формы хрупкого тела – божественная женщина! Никогда доселе я не наслаждался так совершенством форм, как с этой светловолосой богиней, которую в одежде кто-то, может, и назвал бы слишком

худенькой, но обнаженной она была дьявольски прекрасна! Кровь во мне закипела, сознание начало мутиться от страсти. Я робко взялся за резинку ее колготок. Она прошептала:

– Я сама, сама!

Потом все было как в тумане – нереально и фантастично...

– Ты разбудил во мне женщину...

Долгий, бесконечно сладкий поцелуй. Она глухо застонала.

– Почему так больно, как в первый раз?

И снова минуты упоения, когда нет ни одной мысли и растворяешься в единении с вожаденной женщиной, короткие «проблески» нирваны.

– Ты чудо, Лан! – жаркий поцелуй обжег мои истосковавшиеся по ласкам уста. Стоп! Я вовремя опомнился. Комплекс неполноценности, подаренный мне первой любовью, Гэл, вернул к действительности. Нельзя терять контроль над семенем! В мозгу вспыхнули строчки из «Дао Любви». Я постарался перенести свои мысли на отвлеченные предметы. «Девять мелких толчков, один глубокий». Стиснув зубы, чтобы не поддаться юношеской торопливости, я размеренно, с остановками, как бы дразня ее, считал в уме: – «раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... Десять!». Снова и снова девять мелких и один глубокий. Дыхание Мэри стало хрипловато-серебристым.

– Л-а-а-а-н! – протяжно выдохнула она. Я продолжал счи-

тать. «Тысяча толчков до расслабления», до тысячи не дотяну!..

– Л-а-а-а-н! мне никогда не было так хорошо!

Она закусила губы, потом стала упоенно раскачивать головой, разметав по подушке свои волнистые локоны. Счастлииво смеясь, она шептала бессвязные слова, от них голова моя шла кругом. Я боялся, что больше не выдержу. Но Господь снял с меня проклятие, висевшее на мне семь жутких лет, я выдержал экзамен, – Мэри, выгнувшись дугой, прижалась ко мне всем телом и, стиснув жаркими руками, напряглась, сопротивляясь желанию закричать, но горячая волна неземного восторга смела все преграды рассудка и она, сперва сквозь сжатые губы, а потом во весь голос прорыдала: – «А-а-а-и-и-и-и!». Пронзительное «и-и-и!» еще долго вибрировало эхом в моих ушах. Кто знает, может, в ту минуту в моих глазах блестели слезы?

Одному Богу известно, как тяжело мужчине, имеющему влюбчивое сердце, семь лет не иметь возможности наслаждаться женским телом. Семь лет давить в груди любые чувства, имеющие отношение к женской красоте, заживо умерщвляя свою плоть...

Просто, тогда я был глупым восемнадцатилетним сопляком. А Гэл была такой красивой и я так страшно волновался от ее близости, и она была девственна. Видит Бог, я сполна испил чашу страдания! А теперь мне двадцать пять, и оказалось, что уже я в состоянии контролировать себя; и Мэри,

к тому же, была так чутка и нежна, так деликатно помогла мне победить свою робость...

В эту ночь я заново родился. Нет, я не освободился полностью от неуверенности в себе, слишком глубоко в сознание въелся этот проклятый комплекс, чтобы его так легко искоренить, одной удовлетворенной женщиной, но я знал, что теперь все будет иначе. За неделю до этой ночи я тоже обладал женщиной, Юл, но она оказалась девственницей, и не было страсти в нашей близости – ни я, ни она не «заводились». Она – от неопытности и неумения «пылать страстью», я – от ее «негорения». Мэри стала первой девушкой, с которой я почувствовал себя настоящим мужчиной. Конечно, и до нее я имел дело с женским полом, но это все было «не то». Те были гораздо старше меня, опытней, я не испытывал с ними особых ощущений, и мне до судорог хотелось обладать юной красавицей, чтобы от одного прикосновения к ней меня бросало в трепет. Конечно, многие девушки интуитивно чувствовали во мне очень нежного и любвеобильного мужчину, довольно часто мне делались «авансы», но я, памятуя о горьком опыте близости с Гэл, определил, что пригоден лишь для ублажения великовозрастных вдовушек. Когда этим летом на Международном семинаре по «внутренним» (энергетическим) стилям ушу в Торронтто наш лектор по хатха-йоге, Африкан, сказал что у меня страшно перекачана энергией половая чакра, я лишь горько усмехнулся в ответ. Но после этой ночи с Мэри я удостоверился, что он

был не так уж далек от истины. Фатальное стечение обстоятельств свело меня, неопытного юнца, со столь же неопытной, хотя и старше меня на четыре года, девушкой, Гэл, которую я желал так, что от одной мысли об обладании ею меня бросало в жар. Мэри вернула меня к жизни. Если Гэл – моя первая несчастная любовь, то Мэри – первая настоящая! А первых помнят всю жизнь. И сейчас, когда прошло всего три недели после нашей разлуки – я не могу отвлечься ничем. Ее медовые губы, точеные ноги, божественная грудь все время стояли перед моими глазами. Всего три ночи было у нас. Три незабываемых ночи. Для меня незабываемых. Для нее я – очередной эпизод, не первый и не последний. Это – жизнь, тут роптать нечего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.